

Р. Ю. Порозов

Екатеринбург

ВИЗУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ*

Статья подготовлена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013. Государственный контракт № 14.740.11.1117.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: визуальная культура, практики, город, социокультурное пространство, коммуникация.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается феномен визуальных практик в социокультурных условиях современного российского города. Отмечаются основные черты визуальных практик и их роль в жизни города.

R. Y. Porozov

Yekaterinburg

VISUAL PRACTICES IN CONTEMPORARY CITY

KEY WORDS: visual culture, practices, urban, social and cultural space, communication.

ABSTRACT: The article discusses the phenomenon of visual practices in social and cultural conditions of the modern Russian city. The main features of the visual practices and their role in the life of the city are also examined.

Июнь 2010 года. Один из Интернет-ресурсов Екатеринбурга сообщил, что власти города санкционировали проведение фестиваля уличного граффити «Стенография». Список поверхностей, которые были разрешены для дальнейшего украшения, не ограничивался исключительно жилыми постройками в спальных районах Екатеринбурга. Напротив, он был дополнен центральными улицами и знаковыми зданиями в сердце города: Цирк, Театр Эстрады, мост через реку Исеть, переход под Плотинкой и др. Всего должно было появиться около 50 локальных граффити. Эта новость могла еще удивить (в положительном или отрицательном значении данного слова) читателя два-три года назад. Однако сейчас такие мероприятия устраиваются в Екатеринбурге довольно регулярно и мало кого удивляют или возмущают. Последнее происходило в августе 2012 года под эгидой Свердловской железной дороги, которая таким способом

хотела показать «нелегальным райтерам», что можно вполне законно взаимодействовать с собственниками зданий и подвижного состава.

Фестивали граффити и стрит-арта (уличного искусства), которые ранее были уместны только в столичных мегаполисах (Москве и Санкт-Петербурге), проводятся и в других российских городах: Казани («Like It.Art»), Ростове-на-Дону (фестиваль уличного искусства «Макаронная фабрика»), Новосибирске (арт-фестиваль PIGMENT FEST) и др.

Каков внутренний смысл таких мероприятий? Является ли это только попыткой найти компромисс между двумя поколениями, как говорила Маргарет Мид – «культурой отцов» и «культурой детей»? Нам кажется, что причина подобных событий кроется в набирающей все большую силу тенденции – попытке города писать свою биографию.

Однако биографию можно писать по-разному. Тенденция, о которой мы упомянули, не в меньшей степени обусловлена проблемой намерения. Написание городом своей биографии – это осознанное намерение. Если ранее российские города в лице крупных общественных и/или политических групп всячески противились визуальной артикуляции контркультурных практик, элиминировали их из культурного пространства города, то в настоящее время между двумя сторонами заключен своего рода «мирный договор». Найденный консенсус, возможно, является признаком взросления российского нестоличного, города – зарождается осознание того, что город и его образ конструируются не только в результате принятия административных и властных решений, но также от практик, которые инициируют субкультуры.

Российские города только начинают понимать, что в качестве городского культурного капитала и ресурса могут выступать визуальные практики. В нашем понимании, под визуальными практиками следует понимать чувственную и предметную деятельность субъекта (человека или социальной группы), воздействующая на систему социальных и культурных отношений при помощи визуальных кодов. Исследователи визуальных практик Джиллиан Роуз и Дивия П. Толия-Келли (Gillian Rose & Divya P. Tolia-Kelly) точно и довольно емко отметили, что «практики – это то, что люди делают с вещами» («Practice is what humans do with things») [1; С. 3].

Если мы рассмотрим визуальную практику с точки зрения феноменологии, то она является своего рода инструментом или средством работы с городской реальностью. Субъект прибегает к визуальной практике для эвокации («вызывания, призыва») такого смысла, который рассматривается в качестве актуального. Подобной практикой субъект переносит смысл из разряда «идеально-концептуального» в разряд «материального». Т.е. практика является также и медиатором. Но данная

схема [идея субъекта] → [визуальная практика] → [материальное] очевидна и, более того, применима к различным культурно-историческим и конкретно-социальным реалиям. Существует ли в социокультурных условиях современного российского города особый характер функционирования визуальной практики?

Рассмотрим в качестве примера упомянутые нами ранее два российских города – Екатеринбург и Казань, которые последние несколько лет демонстрируют активное использование визуальных практик для развития образа города.

Эти города являются «благодатной почвой» для социокультурного анализа визуальных практик. Более того, эти города имеют ряд общих черт. Обоими городами выбрана общая тема стратегического развития – мегаполисная. И Казань, и Екатеринбург в XXI веке будут стремиться строить и позиционировать себя в качестве «мирового города». Вся логика дальнейшего социокультурного, политического, экономического развития будут подчинены данной теме. И визуальные практики будут репрезентировать и закреплять status quo.

Отечественный психолог Л.С. Выготский отмечал, что «центральной проблемой при объяснении высших форм поведения является проблема средств, с помощью которых человек овладевает процессом собственного поведения» [2; С. 783]. Если мы правильно понимаем высказывание психолога, то выбор в пользу тех или иных средств обусловлен характером процессов, которые происходят в культурной и социальной человечества, т.е. город выбирает тот инструмент для развития своего образа, который считает эффективным в конкретный момент истории.

«Визуальный поворот», произошедший в современной культуре, усилил и актуализировал роль медиа, которые не только активно влияют на зрительное восприятие человека, но вовлекают его в процесс культуротворчества. И так, специфической чертой визуальных практик в

социокультурных условиях современного российского города является их подчиненный характер по отношению к избранной городом стратегии развития

Почему данная черта является особенной? Возможно, это связано с доминирующим сегодня прагматизмом и некоторым цинизмом, ранее не свойственным для российских городов. Прагматика – это новое свойство для российского [нестоличного, регионального] города, который имел многовековую патерналистскую стратегию развития. XXI век, если и будет веком острой конкуренции, то, скорее, не государств и цивилизаций, а городов. Для подобной борьбы прагматизм является наилучшим оружием. Девизом современного российского города может стать высказывание: «Истинное то, что приносит практическую пользу моему городу».

Екатеринбург и Казань нам представляются интересными для проведения анализа современных визуальных практик, поскольку оба города обыгрывают одну и ту же тему, которую условно можно назвать «Город на границе Европы и Азии». Данная тема визуально представлена на различных уровнях бытия городов: властном, корпоративном, бытовом. Однако парадокс заключается в том, что оба города одновременно и соответствуют данной теме, и своим существованием ее отрицают. Поясним. Екатеринбург (и его окрестности) по праву географического положения, которое закреплено международными документами, находится на границе двух частей света. Горожанину и гостю города не составляет большого труда доехать до памятной стелы, которая сообщает об этом факте. Однако своим внешним видом (архитектурной застройкой, особенностями планировочной организации) город более похож на типичный европейский город, чем азиатский. Казань же находится в европейской части России примерно в 1000 км к западу от Екатеринбурга. Но с точки зрения плана выражения и особенностей городской ментальности, город может

откровенно претендовать на звание «Евразийский город России».

В Казани визуально репрезентированы две цивилизационные темы – христианство и ислам. Отмеченная парадоксальность (как несовпадение фактического и заявленного) позволяют теме успешно, на наш взгляд, существовать и реализовываться в Казани и Екатеринбурге.

Итак, для российского города визуальная практика – это попытка быть прагматичным и подстроиться под современные социокультурные и экономические реалии. Но, помимо вопроса, чем являются визуальные практики для современного города, не менее важным представляется следующий – что есть город, представленный посредством визуальных практик?

Визуальные практики – это отражение меры дозволенного в рамках конкретной городской системы. Естественно, эта мера имеет для города относительный (во времени) характер. Но не становится ли визуальная практика в определенный период времени манифестом в стиле «Urbi et orbi» или «Yes we can» (как это было в последнее президентской кампании в США)? Амбициозные заявки российских городов на проведение не только федеральных, но и международных мероприятий, не ограничиваются декларациями. Дальнейшая борьба за право стать такой площадкой приводит к тому, что город демонстрирует свою открытость и готовность к изменениям через визуальные практики. Визуальная практика является чем-то вроде производной от функции под названием «город, который хочет стать мегаполисом». Понятие «производная» характеризует скорость изменения функции в конкретной точке, функция – определяет зависимость некоторых величин относительно друг друга. Если российский город, который является региональным центром, претендует на звание «мегаполиса», ему необходимо совершать ряд мероприятий экономического, культурного, административного характера. Успешность мероприятий будет

свидетельствовать об уместности намерений. В этой связи визуальная практика послужит отражением динамики происходящих изменений в социокультурном пространстве города.

В 2011 году Екатеринбург заявил о желании участвовать в конкурсе на проведение Международной выставке в 2020 году. Для того чтобы победить в конкурсе, результаты которого будут объявлены в 2013 году, необходимо провести ряд мероприятий, доказывающие жюри о готовности и возможности города к данной выставке. Визуальные практики (см. Официальный сайт правительства Свердловской области: <http://www.midural.ru/news/exposition/100523/>), которые иницируют политики и общественность, должны убедить выборную комиссию, что Екатеринбург – это единственное из возможных мест для проведения Expo-2020. Перечислим примеры мероприятий, которые свидетельствуют о стремлении города принять международную выставку: флешмобы (с участием нескольких тысяч горожан), брендинг самолетов местных авиалиний логотипом в поддержку проведения ЭКСПО в Екатеринбурге, тематические выставки и конференции (например, в рамках Уральской индустриальной биеннале современного искусства – 2012).

Визуальные практики можно рассматривать как пример индекса социокультурной коммуникации, которая осу-

ществляется в пространстве города. Индекс в том смысле, что визуальные практики воспроизводят и указывают на специфику коммуникации. Частный случай такого индекса мы можем обнаружить, если проведем анализ концептуального наполнения тех или иных визуальных практик и их частотность в конкретном городе. Например, для современного Екатеринбурга уже является ожидаемым и частым проведение этнических и национальных праздников, которые собирают тысячи зрителей (Курбан-байрам, Сабантуй, Навруз, Канто Мацури (японский праздник бумажных фонарей), Гаилэ бэйрэме (татарский праздник семьи). Гости и жители города, которые не являются носителями данной культуры, считают это интересным и познавательным времяпрепровождением. Индексом (показателем) является и то, с кем и в сопровождении кого, они готовы посещать данные мероприятия: родными, близкими, друзьями.

Делая общий вывод относительно визуальных практик, необходимо отметить, что они являются для современного российского города, прежде всего, инструментом. Инструментом, который, во-первых, способствует развитию своего образа и позиционированию в современных социокультурных реалиях, а, во-вторых, возможность донести до других идею о своей уникальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rose G., Tolia-Kelly D. P. *Visuality/ materiality: images, objects and practices* / by Gillian Rose and Divya P. Tolia-Kelly., [editors]. Ashgate Publishing, 2012.
2. Выготский Л.С. *Психология развития человека*. — М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005.